

С НАТУРЫ

Заводской

Мужик стоял возле киоска. Просто стоял и молчал. И вдруг заговорил — ни к кому не обращаясь, ни на кого не глядя, как бы сам с собой:

— Сорок лет... Сорок лет жизни отдал... Разве это поймёшь? Разве теперь это кому нужно?..

Заводская проходная, словно поврежденная вена, выталкивала рабочий люд — закончилась дневная смена. Дальше поток становился равномерней, густел, обтекал мужика у киоска и расплзался по уютному, мокрому февралю.

Мужик стоял прочно, расставив ноги, не шатаясь. Определить, что он слегка пьян, можно было только вблизи, по свежему, ещё приятному, водочному запаху. Наклонив вперед большую голову и глядя прямо перед собой, он продолжил:

— Я, как из армии пришел — сразу на сталепрокатный. Я ж его строил. С самого начала... Почти тридцать лет в «термичке» — это вам не хухры-мухры. Какие ребята были!.. Конечно, те, кто с этим делом дружил, — он невнятно махнул рукой в сторону шеи, — давно уж убрался... Фотки теперь смотрю — всех помню!.. А потом москвичи купили. Кто в возрасте, на пенсию разогнали. Добровольно-принудительно, так сказать... Я ж в пятьдесят — по «горячей сетке»... Начальник цеха, Генка — учеником у меня был,

говорит: «Иван Иванович, давай на проходную, в охрану». Взяли. Тринадцать лет — в охране...

Он снимал шапку, широкой короткопалой ладонью тёр лысеющую голову и говорил снова:

— Сначала Москва, теперь вот Череповец. Лакомый кусок-то, вот и рвут друг у друга... И ведь документы на электроды там, канат, прокат как оформляют теперь — будто всё это в Череповце делается!.. Из охраны погнали — сокращение. Обещали к пенсии триста рублей приплачивать при условии, если нигде работать не буду. А сил-то ещё полно!.. А если и буду, как они узнают? Можно ведь жену оформить, а работать самому. Теперь всё можно... С другой стороны, дел-то — валом. Дачу достроить надо, квартиру отремонтировать... Может, подождать с работой, а?

Заводской народ разъехался по домам решать семейно-бытовые вопросы, а мужик всё стоял, глядя в какую-то, ему одному видимую, точку.

— Сорок лет... А теперь... Да нет, всё — правильно. Всё законно, но... пусто-то ка-а-к!..

Он потряхнул головой, будто стряхивал наваждение, сгорбился и пошёл в сторону по противному чавкающему снежному месиву. Твёрдо пошёл, хотя едва ли сам знал, куда.

Андрей ФРОЛОВ.

Памятник Бунину в Орле.

Фотоэтиюд Сергея МИРОНОВА.

БЕЗДОМНЫЙ

Снова набирал силы холод, и опять начинало темнеть, но Пес все сидел и сидел на одном и том же месте. Он дрожал и неотрывно смотрел туда, где еще вчера находился дом.

В нем жил Хозяин с семьей. Пес днем и ночью охранял их покой, бесстрашно лаял на пронесившиеся мимо невысокого забора рычащие металлические существа, слишком близко приближавшихся к дому чужих людей. И был благодарен Хозяину за миску супа или кусок хлеба, которые тот выносил к будке. Так было всегда. Но вдруг все изменилось.

Хозяин хмурился и смотрел куда-то в сторону. «Прости, брат. Не можем мы взять тебя с собой. Такие вот дела», — сказал и расстегнул ошейник. Пес, почуяв неладное, хрипло твякнул и, испуганный непривычной и ненужной ему свободой, забрался в родную конуру. А потом большое гремящее существо въехало во двор. Хозяин сам открыл перед ним ворота, поэтому Пес не стал лаять. Какие-то люди выносили из дома разные вещи и грузили на металлического зверя. Хозяин снова подошел к будке. «Ну, бывай», — потрепал Пса по спине и быстро, не оглядываясь, зашагал прочь. Железное существо снова зарычало и рванулось на волю, унося с собой любимых людей и их пожитки. Вокруг стало тихо.

...Прошел час, другой. Пслышались чьи-то шаги. Они не принадлежали Хозяину. «Опять собаку бросили!» — на Пса сочувственно смотрел Человек в оранжевой каске. — «Как же ты, бедолага, жить-то теперь будешь?» Пес тихо и жалобно заворчал. Человек похрустел бумагой, достал бутерброд, протянул Псу: «Поешь». Тот отвернулся и положил голову на лапы. «Да... Ситуация», — вздохнул чужак.

Самое страшное было еще впереди. Люди, прогнав Пса со двора, начали ломать дом. Одна из стен обрушилась прямо на будку и засыпала ее. Пес опустился на землю метрах в двадцати от своего бывшего жилища. Он не замечал пронизывающего насквозь холодного ветра. Вот уже ничего не осталось от прежней жизни. А Пес все смотрел и смотрел на груды битого кирпича. Ему больше некого было защищать и нечего охранять.

И наступила ночь.

ГОРОДСКОЙ ПОДСОЛНУХ

Он появился на клумбе внешне, и жители многоэтажки оборачивались, проходя мимо. Любовались. Удивлялись. Радовались. А неожиданный гость тянулся вверх, распушив золотые лепестки, раскинув в стороны широкие зеленые листья. Вот уже и крошечные семечки показались. «Под солнышком растет подсолнушек!» — прыгали по асфальтовой дорожке малыши. Городским девочкам и мальчишкам было непривычно видеть большую деревенский цветок, который каким-то чудом оказался возле их панельного дома. Может быть, кто-то здесь семечку обронил... Человек или птица... Это оставалось тайной, отчего подсолнух казался еще более загадочным. Шло время. Цветок становился все выше, все краше, все солнечнее. И вдруг пропал. Исчез. Одним августовским утром его просто не стало. Подсолнух никому не успел подарить свои плоды. И улыбнуться не успел всем добрым людям. Наверное, злой человек помешал, сломал стебель, унес с собой не успевшее взойти маленькое солнышко. Зачем?! Ведь ночной вор лишил возможности насладиться дарами созревшего цветка и себя...

Тамара НЕСТЕРОВА.

ТРИ ВЕКА ОРЛОВСКОЙ ПОЭЗИИ

Николай Чижов

Среди декабристов, тесно связанных с историей Орловского края, было немало талантливых поэтов. Сегодня речь пойдет о поэте и мореплавателе Николае Алексеевиче Чижове, последние годы которого прошли на орловской земле.

Родился будущий поэт-декабрист и моряк 23 марта 1803 года в Петербурге. «В малолетстве моем, — вспоминал Николай Алексеевич, — отправился я из Санкт-Петербурга с родителем моим в город Николаев, главное место управления Черноморским флотом. Там воспитывался я в благородном пансионе... Будучи записан во флот гардемаринном, обучался я нужным морскому офицеру наукам».

В 1818 году Чижов был произведен в мичманы и переведен в столицу во второй флотский экипаж. Три года спустя совершил двухмесячную экспедицию на остров Новая Земля. Составленное Чижовым первое в научной литературе физико-географическое описание острова было опубликовано в журнале «Сын Отечества». Именем Чижова назван мыс на Кольском полуострове.

Принятый за месяц до востанствия в Северное общество лейтенант Чижов был на Сенатской площади. Верховный уголовный суд приговорил Чижова к лишению чинов, дворянства и вечной ссылке в Сибирь, ограниченной вскоре двадцатью годами. Поскольку пока неизвестно ни одного его изображения, представляют интерес приметы декабриста и мореплавателя: рост 2 аршина 8 с половиной вершков (т.е. 180 см) «лицом бел, глаза голубые, нос большой, прямой, брови, волосы и бакенбарды светло-русые».

В августе 1826 года Николай Алексеевич был доставлен в Омск, откуда его направили в далекий Олекминск Якутской области. Тоской изгнанника по свободе навеяно прекрасное лирическое стихотворение Чижова «Журавли», датированное 27 июня 1828 года:

Чуть-чуть видны на высоте
воздушной,
Заслыша осени приход,
Несетесь с криком вы
станции дружной
Назад в полуденный отлёт...

В том же 1828 году Чижовым написано стихотворение «Сибирские цветы» («В глуши лесов уединенный...»). В стихотворении «Вздох» (1828—1829) автор призывает самого себя скрывать свои душевные муки, вестником которых является простой вздох: «Покорен будь судьбе непримиримой...»

В 1832 году в восьмом номере журнала «Московский телеграф» появилось произведение под названием «Нуча. Якутский рассказ», подписанный: «Н. Чижов. Олекма». Так как не только публикация сочинений декабристов, но даже упоминание в печати их имён были строжайше запрещено, то III-м отделением императорской канцелярии и

сибирским начальством было предпринято дознание, каким образом стихотворение ссыльного декабриста могло появиться в московском журнале.

В 1833 году поэта перевели в 1-й Сибирский батальон, расквартированный в Тобольске. Сблизившись с учителем местной гимназии, поэтом Петром Ершовым (автором «Конька-Горбунка»), Чижов вместе с ним в 1837 году обратился с приветственными стихами к наследнику престола Александру Николаевичу, прибывшему в Тобольск во время путешествия по России. Эти стихи и ходатайство командира Сибирского корпуса генерала П.Д. Горчакова о присвоении Чижову унтер-офицерского звания возымели своё действие.

О глубоком интересе Николая Алексеевича к русскому и якутскому фольклору свидетельствуют его стихотворения «Русская песня», напечатанная в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду» за 1837 год, и «Воздушная дева (Якутская фантазия)», помещенная в следующем году в альманахе «Утренняя заря».

Намёки на собственную изгнанническую участь продолжали звучать в поэзии Чижова:

Глаза прекрасные и полные
огня,
Что смотрите так быстро
на меня?
Ужель на облике моём
вы прочитали
Причину тайную моей
печали?...

В декабре 1839 года находившийся в Тобольске декабрист М.А. Фонвизин (муж нашей землячки Н.Д. Апухтиной) извещал своего товарища по ссылке

И. Якушкина: «Чижов наш представлен в офицеры за экспедицию в степи...». Только в 1843 году Николаю Александровичу удалось выйти в отставку. Приняв предложение родственницы Фонвизиной, жены сибирского военного генерал-губернатора Н.Д. Горчаковой стать управляющим её имениями, Чижов обосновался в селе Троицком Орловского уезда (теперь оно Свердловского района).

В этом сравнительно небольшом селе, расположенном у реки Рыбница в 37 верстах от губернского центра, и прошли последние годы жизни поэта-декабриста и мореплавателя. Об орловском периоде его творчества пока мало что известно. За отставным прапорщиком Чижовым был установлен секретный надзор полиции, въезд в Москву и Петербург ему запрещался, посещение других мест допускалось каждый раз с особого разрешения.

В апреле 1848 года уездный исправник сообщил орловскому губернатору П. Трубецкому о том, что Николай Алексеевич Чижов «по нахождению его управляющим в имении княгини Горчаковой в селе Троицком, Пушкино то ж, 12 числа сего апреля месяца умер». Прожил он 45 лет и 20 дней, так и оставшись холостяком.

Время и рука человеческая не сохранили ни усадебного дома Горчаковых, ни сельской Троицкой церкви с прилегающим к нему погостом. Старожилы села А.И. Родин и А.Н. Тишкина в 1987 году рассказывали мне, что на его возвышенной части прежде находились три больших дома, другие усадебные постройки, окруженные липовым парком и фруктовым садом...

Владимир ВЛАСОВ.

На снимке: титульный лист альманаха «Утренняя заря», где была опубликована «Воздушная дева» Н.А. Чижова.